БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА
«ЛОГОС»

ВАЛЬТЕР БЕНЬЯМИН

УЛИЦА С ОДНОСТОРОННИМ ДВИЖЕНИЕМ

AD MARGINEM

Вальтер Беньямин
Улица с односторонним движением

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4245615
Беньямин, Вальтер. Улица с односторонним движением : ООО «Ад Маргинем Пресс»; Москва; 2012
ISBN 978-5-91103-123-7

Аннотация

Вальтер Беньямин начал писать «Улицу с односторонним движением» в 1924 году как «книжечку для друзей» (plaquette). Она вышла в свет в 1928-м в издательстве «Rowohlt» параллельно с важнейшим из законченных трудов Беньямина – «Происхождением немецкой барочной драмы», и посвящена Асе Лацис (1891–1979) – латвийскому режиссеру и актрисе, с которой Беньямин познакомился на Капри в 1924 году. Назначение беньяминовских образов – заставить заговорить вещи, разъяснить сны, увидеть/показать то, в чем автору/читателю прежде было отказано. «Улица с односторонним движением» – это книга обманутых надежд и тревожных ожиданий. И еще: в этой книге среди детских игрушек, воспоминаний о навсегда ушедшей жизни, старых интерьеров и новых свидетельств тихой мещанской радости можно, присмотревшись, различить давно

уже поселившуюся там мощь революции. Ее ритм – это не тяжелая солдатская поступь, а легкая походка возлюбленной, а значит, она уже давно одержала победу в наших сердцах.

Содержание

Заправочная станция 5
Закусочная 7
№ 113[1] 9
Для мужчин 11
Уличные часы 12
Вернись, я все прощу![4] 13
Роскошно меблированная десятикомнатная квартира 14
Китайские товары 16
Перчатки 18
Мексиканское посольство 19
Просьба бережно относиться к зеленым насаждениям 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Вальтер Беньямин
Улица с односторонним движением

Эта улица зовется Улицей Аси Лацис в честь той, кто, как инженер, прорубил ее в авторе

Заправочная станция

Порядок жизни в данный момент куда больше подвержен власти фактов, а не убеждений. И причем таких фактов, которые почти никогда и нигде еще не становились основанием для убеждений. В этих обстоятельствах подлинная литературная деятельность не имеет права оставаться в пределах литературы – последнее, скорее, характерное проявление ее бесплодности. Значимая литературная работа может состояться лишь при постоянной смене письма и делания; надо совершенствовать неказистые формы, благодаря которым воздействие ее в деятельных сообществах гораздо сильнее, чем у претенциозного универсального жеста книги, – ее место в листовках, брошюрах, журнальных статьях и плакатах. Похоже, лишь этот точный язык и в самом деле соответствует моменту. Мнения для огромного аппарата обще-

ственной жизни – словно масло для машин; никто не будет вставать к турбине и заливать ее машинным маслом. Обычно мы лишь немного впрыскиваем в тайные заклепки и пазы, которые нужно знать.

Закусочная

По народному поверью, лучше не рассказывать сны утром натощак. Ведь получается, что в этом состоянии проснувшийся еще находится во власти сновидения. Умывание выводит на свет лишь поверхность тела и его видимые моторные функции, притом что в глубине даже во время утреннего очищения застывают серые сумерки сновидения, оседая там в первый одинокий час бодрствования. Тот, кто боится прикосновения дня, из страха перед людьми или нуждаясь во внутренней собранности, – не хочет есть и пренебрегает завтраком. Так он устраняет разрыв между миром ночи и дня. Подобную осмотрительность можно оправдать если не молитвой, то лишь сосредоточенной утренней работой, в которой сгорают остатки сновидения, в противном случае это ведет к расстройству жизненных ритмов. В таком состоянии отчет о сновидениях оказывается губительным, потому что человек, будучи еще наполовину во власти мира сновидений, своими словами выдает его и должен быть готов к его мести. Говоря языком нового времени, он выдает самого себя. Он вышел из-под опеки наивности грез и разоблачает себя, когда без всякого превосходства прикасается к лицам из своих снов. Ибо только с другого берега, из света дня, можно обращаться к сновидению, вспоминая и превосходя его. Этот мир, лежащий по ту сторону сновидения, доступен те-

перь только через очищение, которое аналогично умыванию, и все же полностью отличается от него. Оно проходит через желудок. Натощак человек говорит о сновидении так, словно он говорит из сна.

№ 113[1]

Часы, что облик содержат,
В чертоге сновидений протекли.[2]

ЦОКОЛЬ. – Мы давно позабыли обряд, по которому составлен дом нашей жизни. Но когда начинается штурм и рвутся вражеские снаряды, какие только иссохшие, диковинные древности ни обнаруживаются в подвале. Что только не было сокрыто магическими формулами и принесено в жертву, какое зловещее собрание редкостей, там, где самому будничному отведены самые глубокие закрома. В ночь, полную отчаяния, я видел себя во сне вместе с первым своим школьным товарищем, которого я не встречал уже десятки лет и за это время почти не вспоминал, и мы пылко возрождали нашу дружбу и братство. В момент пробуждения мне стало ясно: то, что обнаружилось – словно после разрыва – в отчаянии, было трупом этого человека, который был замурован там и должен был показать: кто бы здесь ни жил, не должен быть на него похож.

---

[1] *№ 113* – в подвале Пале-Рояль в Париже, в доме с номером 113 в конце XVIII – начале XIX в. находилось знаменитое казино, известное также и как публичный дом.

[2] *Часы…* – текст сонета, написанного Беньямином и не опубликованного при жизни.

ВЕСТИБЮЛЬ. – Посещение дома Гёте. Не могу отделаться от ощущения, что видел эти комнаты во сне. Вереница крашеных коридоров, как в школе. Две пожилые посетительницы-англичанки и смотритель – статисты. Смотритель просит нас записаться в книге посещений, что лежит открытая в самом конце коридора на подставке. Когда я подхожу и листаю ее, я нахожу свое имя, уже вписанное крупным, неуклюжим детским почерком.

СТОЛОВАЯ. – В одном сне я видел себя в кабинете Гёте. Он был совсем не похож на его кабинет в Веймаре. Прежде всего, он был гораздо меньше и только с одним окном. В стену напротив упирался торцом стол. За ним сидел и писал поэт в преклонном возрасте. Я стоял в стороне, когда он прервался и вручил мне в подарок маленькую вазу – античный сосуд. Я вертел его в руках. В комнате стояла ужасная жара. Гёте поднялся и вошел со мной в соседнюю комнату, где для всей моей родни был накрыт длинный стол. Однако он явно был рассчитан на большее количество персон. Очевидно, накрыли и для предков. Я занял место на правом конце стола рядом с Гёте. Когда трапеза была окончена, он устало поднялся, и я жестом испросил позволения его поддержать. Когда я коснулся его локтя, то расплакался от волнения.

Для мужчин

Уговоры бесплодны.

Уличные часы

Для великих законченные труды значат меньше, чем фрагменты, к работе над которыми они возвращаются на протяжении всей жизни. Потому что только слабый, рассеянный испытывает ни с чем не сравнимую радость от завершения и тем самым чувствует, что вернулся к жизни. Гению каждая цезура, тяжелые удары судьбы, – как спокойный сон посреди усердной работы в мастерской. Он очерчивает ее границы во фрагменте. «Гений – это усердие».[3]

---

[3] *«Гений – это усердие»* – вольная цитата из стихотворения Теодора Фонтане, где эта поговорка, авторство которой не установлено, перефразируется: «Лишь серьезность создает человека, лишь усердие создает гения».

Вернись, я все прощу![4]

Подобно тому, кто вращается на перекладине, мы сами в детстве вращаем колесо счастья, на котором рано или поздно выпадает счастливый билет. Ибо только тому, что мы знали и пробовали уже в пятнадцать лет, обязаны мы нашими attrativa[5]. И потому если не получилось убежать от родителей, этого уже никогда не исправишь. В эти годы сорок восемь часов, в течение которых мы предоставлены самим себе, позволяют вырасти, словно в щелочном растворе, кристаллу жизненного счастья.

---

[4] *Вернись, я все прощу!* – отсылка к одноименному фильму режиссера М.Мака (1915 г.).

[5] *attrativa (um.)* – привлекательные черты.

Роскошно меблированная десятикомнатная квартира

Единственно приемлемое изображение и анализ мебельного стиля второй половины девятнадцатого столетия дается в особого типа детективных романах, динамический центр которых – ужас, внушаемый квартирой. Расстановка мебели одновременно есть план расположения смертельных ловушек, а вереница комнат задает жертве траекторию бегства[6]. Ничего не меняется от того, что этот тип детективного романа зарождается именно благодаря По, то есть когда подобных жилищ еще почти не было. Ведь все без исключения великие поэты выстраивают свои комбинации в мире, которому лишь предстоит прийти: так парижские улицы бодлеровских стихотворений возникли только в первые годы двадцатого века, да и людей Достоевского не было прежде. Буржуазный интерьер шестидесятых-девяностых годов с его огромными, пышно украшенными резьбой буфетами, сумрачными углами, где стоит пальма, с эркером, оснащенным балюстрадой, и длинными коридорами с поющим газовым пламенем – подходящее жилище только для трупа. «На этом диване тетушку можно только убить». Бездушное великолепие домашней

---

[6] *…задает… траекторию бегства* – в оригинале игра слов: Zimmerflucht – вереница комнат, Fluchtbahn – траектория бегства.

обстановки становится по-настоящему комфортным лишь в присутствии мертвого тела. Намного интереснее, чем нарочито живописный восток детективных романов, восточное великолепие их интерьеров: персидский ковер и оттоманка, подвесная лампа и благородный кавказский кинжал. Хозяин дома за массивными складками келимов устраивает оргии с ценными бумагами и, вероятно, чувствует себя как богатый восточный купец или как лживый и ленивый паша в царстве обмана, пока этот кинжал, висящий над диваном в серебряных ножнах, в один прекрасный день не положит конец его послеобеденной сиесте и ему самому. Этой атмосферой буржуазной квартиры, трепещущей в ожидании безымянного убийцы, как похотливая старуха в ожидании ухажера, прониклись некоторые авторы, не удостоившиеся, будучи «писателями детективного жанра», должного почитания – возможно и потому, что в их произведениях отчасти угадывается буржуазный демонический пантеон. То, что нужно здесь уловить, есть в некоторых произведениях Конан Дойла, писательница А. К. Грин обнаружила это в своей объемной литературной продукции, а у Гастона Леру в «Призраке оперы», одном из великих романов о девятнадцатом столетии, этот жанр достигает апофеоза.

Китайские товары

В наши дни никому нельзя упорствовать в том, что он «умеет». Сила – в импровизации. Все решающие удары наносят левой рукой.

В начале длинной тропы, ведущей под гору к дому, где живет ***, которую я навещал каждый вечер, стоят ворота. Когда она уехала, открытые ворота предстали передо мной, словно ушная раковина, потерявшая слух.

Ребенка в ночной рубашке невозможно заставить выйти и поприветствовать гостей. Окружающие тщетно взывают к высокой морали, уговаривают его, пытаясь побороть в нем упрямство. Через несколько минут он выходит к гостю, теперь уже совершенно голый. За это время он умылся.[7]

Впечатление от проселочной дороги зависит от того, идешь ли по ней пешком, или пролетаешь на аэроплане. Так же и впечатление от текста зависит от того, читаешь его или переписываешь. Тот, кто летит, видит лишь, как дорога пробирается сквозь ландшафт, она разворачивается перед ним по тем же законам, что и местность вокруг нее. Только тот, кто идет по дороге, узнает о ее власти и о том, как именно из

---

[7] *Ребенка в ночной рубашке…* – героиня этого воспоминания – маленькая дочь Аси Лацис.

земель, которые с аэроплана предстают лишь раскинувшейся равниной, она на каждом своем повороте зовет к себе дали, бельведеры, поля и просторы, подобно тому, как командир своим приказом отзывает солдат с фронта. И только переписанный текст командует душою того, кто им занимается, тогда как просто читателю не суждено приобрести новые впечатления, понять, как текст прокладывает их, словно дорогу, которая продирается все глубже в дебри внутреннего мира: потому что читатель повинуется свободному движению своего Я в пространстве грез, а переписчик позволяет командовать этим движением. Китайская традиция переписывать книги потому и была беспримерной основой книжной культуры, а список – ключом к загадкам Китая.

Перчатки

Тот, кто испытывает отвращение перед животными, больше всего боится, что в прикосновении они признают его своим. В глубине души человеку внушает ужас смутное сознание: в нем живет нечто, столь мало чуждое отвратительному животному, что может быть им признано. – Всякое отвращение изначально есть отвращение перед прикосновением. Даже когда мы, овладев собой, преодолеваем это чувство, наш жест получается резким и вымученным: мы стремительно хватаем отвратительное и проглатываем его, тогда как зона тончайшего эпидермального прикосновения остается табуированной. Только так можно соблюсти парадоксальное требование морали, чтобы человек одновременно преодолел и изысканнейшим образом усовершенствовал в себе чувство отвращения. Ему нельзя отрекаться от своего звериного родства с той тварью, зов которой рождает в нем отвращение, – он должен сделаться ее господином.

Мексиканское посольство

«Je ne passe jamais devant un fétiche de bois, un Bouddha doré, une idole mexicaine sans me dire: C'est peut-être le vrai dieu».
Charles Baudelaire[8]

Мне снилось, что я участник исследовательской экспедиции в Мексике. Обойдя вдоль и поперек высокий девственный лес, мы натолкнулись в горах на систему пещер, находящуюся над землей, где со времен первых миссионеров сохранился орден, братья которого продолжали обращать туземцев в свою веру. В громадном, готически заостренном центральном гроте проходило богослужение по самому древнему обряду. Мы вошли туда и смогли увидеть основную его часть: перед деревянной поясной статуей Бога-Отца, установленной на большой высоте на одной из стен, священник поднял мексиканский фетиш. Тогда голова Бога в знак отрицания трижды повернулась справа налево.

---

[8] «Je ne passe jamais…» – «когда ни прохожу я мимо деревянного фетиша, позолоченного будды, мексиканского идола, всегда говорю себе: быть может, это истинный Бог» (фр.). Слова Бодлера, переданные в книге: Claretie J. La vie a Paris 1882. P.: Victor Havard, 1883.

Просьба бережно относиться к зеленым насаждениям

На какие вопросы мы получаем ответ? Разве не остаются все вопросы прожитой жизни позади, словно деревья, заслонявшие нам обзор? Мы едва ли думаем о том, чтобы их выкорчевать или хотя бы проредить. Мы шагаем дальше, оставляя их позади, и хотя издали мы можем окинуть их взором, очертания их неясны, темны, и тем загадочнее эта чаща.

Комментарии и перевод относятся к тексту как стиль и подражание (Mimesis) к природе: одно и то же явление, но рассмотренное с разных сторон. На древе священного текста они лишь вечно шуршащие листы, а на древе мирского – своевременно поспевающие плоды.[9]

Любящий привязывается не только к недостаткам воз-

---

[9] *Комментарии и перевод относятся к тексту…* – ср. у Гёте: «Если простое подражание зиждется на спокойном утверждении сущего, на любовном его созерцании, манера – на восприятии явлений подвижной и одаренной душой, то стиль покоится на глубочайших твердынях познания, на самом существе вещей, поскольку нам дано его распознавать в зримых и осязаемых образах» (Простое подражание природе, манера, стиль; пер. Н. Ман // Собр. соч. в 10 тт. – Т. 10. М.: Художественная литература, 1980. – С. 28). Образ дерева и языка – важнейший для Беньямина (ср. его фрагмент «Дерево и речь» в: Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. С. 188–189, аналогия между листвой деревьев и книжными страницами встречается в «Труде о пассажах», см.: Benjamin W. Passagenwerk //Gesammelte Schriften. Bd. V. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1982. S. 682).

любленной,[10] не только к женским причудам и слабостям, морщины на лице и родимые пятна, поношенная одежда и неуклюжая походка властвуют над ним гораздо дольше и вернее, чем любая красота. Об этом известно издавна. А почему? Если верно учение, гласящее, что ощущение обитает не в голове, что ощущения от окна, облака и дерева возникают не в мозгу, но скорее в той точке, где мы видим эти вещи, то и при взгляде на возлюбленную мы вне себя. Но тут уже – с мучительным напряжением и страстью. Ослепленное блеском и великолепием женщины, ощущение порхает, как стайка птиц. И подобно тому как птицы ищут убежища в густой листве деревьев, ощущения спасаются в тени морщин, в нелепых жестах и неприметных изъянах любимого тела, куда они забираются, как в безопасное убежище. И ни один прохожий не догадается, что именно здесь, в несовершенствах, в чем-то предосудительном, обитает стремительный любовный порыв воздыхателя.

---

[10] *Любящий привязывается не только к недостаткам возлюбленной…* – ср. «Московский дневник» от 9.12.1926: «Прежде чем она уходит, я читаю ей (то есть А. Лацис – И. Б.) из "Улицы с односторонним движением" место о морщинках» (Беньямин В. Московский дневник; пер. С. Ромашко. – М.: Ad Marginem, 1997. – С. 23).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.